что наступило после постмодерна?

what comes after postmodernity?

Алексей Кардаш, Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Иллюстрации Анастасии Стерляговой и Алины Козиновой.

Что наступило после постмодерна? На этот вопрос существует множество ответов. В книге Александра Павлова «Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время» проводится их философский арбитраж, призванный выявить легитимное описание нашей культурной эпохи. Задача данной статьи — оценить позицию автора и выявить спорные моменты. В частности, приводятся доводы в пользу того, что позиция Павлова не зависит от теории Фредрика Джеймисона, а сам автор не находит убедительных способов показать принципиальную важность Джеймисона для современных теорий культуры.

Ключевые слова: постпостмодернизм, постмодерн, культура, исследования культуры, Фредрик Джеймисон.

Для цитирования: А.М. Кардаш. “Что наступило после постмодерна?: рецензия на книгу А.В. Павлова «Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время»”, *Финиковый компот*, 2024, No. 19, с. 146–156.

УДК: 130.02

Alexei Kardash, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus

Illustrated by Anastasia Sterlyagova and Alina Kozinova.

What comes after postmodernism? There are many answers to this question. In Alexander Pavlov's book ‘*Post-postmodernism. How Social and Cultural Theories Explain Our Time*’ a philosophical arbitration is conducted to reveal a legitimate description of our cultural epoch. The purpose of this article is to assess the author's position and identify its controversial points. In particular, arguments are given in favor of the fact that Pavlov's position does not depend on Frederick Jameson's theory, and the author himself does not find convincing ways to show Jameson's fundamental importance for contemporary theories of culture.

Keywords: post-postmodernism, postmodernism, culture, cultural studies, Fredric Jameson.

How to cite this article: A.M. Kardash. “What Comes after Postmodernity? A Review of *Post-postmodernism. How Social and Cultural Theories Explain Our Time* by A.V. Pavlov”, *Date Palm Compote*, 2024, No. 19, pp. 146–156.

DOI https://doi.org/10.24412/2587-9308-2024-19-146-156

Если вы еще не знали, то постмодерн закончился в нулевых. По крайней мере, с точки зрения ряда теоретиков культуры1. Хотя куда реалистичней будет сказать, что тот словарь терминов и концепций, который был ассоциирован с постмодерном, утратил свое особое влияние на социальную и культурную теории.

Когда постмодернизм «умер», то многим было очевидно, что будет и что-то после, чему было дано условное обозначение — постпостмодернизм. Это зонтичный термин, который объединяет мыслителей, пытающихся описать современную эпоху. Как правило, они называют свою титульную концепцию по следующей формуле: некоторое слово, выражающее ключевую особенность сегодняшней культуры, которое как префикс сочетается со словом «модерн» или «модернизм». В этом плане результаты дискуссии о постпостмодернизме можно назвать *теориями модернов*, которые апеллируют к совершенно разным аспектам нашей жизни: кто-то выводит новую эпоху из анализа архитектуры и кино, другие обращают внимание на политику, третьи исследуют тему телесности, четвертые апеллируют к антропологии, космосу и так далее.

Сложившуюся теоретическую смуту берется прояснить Александр Павлов в книге «Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время» [Павлов 2019]. Особое внимание автор уделяет как минимум трем аспектам проблемы: генезису сложившейся дискуссии о новой социокультурной эпохе; критическому представлению альтернатив постмодерну; философскому арбитражу, выраженному в оценке итогов теоретических сражений за создание легитимного описания нашей культурной эпохи. Все они оказываются важными для финального тезиса автора, поэтому я сначала воспроизведу аргумент в общем, а после укажу на два критических момента.

КАК ВОЗНИКЛА ДИСКУССИЯ О ПОСТПОСТМОДЕРНИЗМЕ?

Первый раздел представляет само по себе интересное историко-философское объяснение сложившейся диспозиции в исследованиях культуры, занятых вопросом постпостмодерна. Если иначе, Павлов локализует постмодерн (и все, что после) в нескольких областях и темах. Автор проясняет, что под влиянием постмодернизма скептицизм насчет массовой культуры сменяется интересом к *популярной*: происходит переход от критической теории культуры к ее исследованиям. Одним из первых эту тенденцию выразил Умберто Эко. Выясняя, что именно итальянцу принадлежит авторство термина «гиперреальность», Павлов отмечает, что семиотик был восхищен таким положением дел, а концепция не имела пессимистичного тона до Бодрийяра (с. 50–54).

Следующим шагом проясняется сближение постмодернистской культурной теории с теоретической социологией. Здесь выделяются две тенденции. Первую тенденцию выражают мыслители-постмодернисты, которые шли в социологию в ожидании новых открытий и чтобы сделать ее менее науковидной — таковы Зигмунт Бауман и Стивен Сейдман. Вторую представляют теоретики, которые социологически-дескриптивно подходили к постмодерну, — это Барри Смарт, Джон Урри, Джеффри Александер и др.

Отдельное внимание Павлов уделяет связи марксистов с постмодернизмом. Замечая тенденцию отождествления постмодерна с французами, автор решает в противовес этому осветить вклад Перри Андерсона, Дэвида Уэста, Терри Иглтона, Дэвида Харви, Антонио Негри, Славоя Жижека и др. Многих из них проще соотнести с постмодернизмом, чем французов, т.к. они явно упоминали этот термин и по-разному выстраивали свое отношение к нему (в отличие от, например, Бодрийяра, называвшего постмодернизм неопознанным теоретическим объектом [Бодрийяр 2016, 189]).

Согласно Павлову, марксисты настолько преуспели в анализе постмодерна, что его даже признают «спасительным кругом» современных левых (с. 92). Не в малой степени это произошло в силу изысканий Фредрика Джеймисона, чей авторитет широко признается коллегами. Ввиду этого и сам Павлов принимает версию описания постмодернизма Джеймисоном за референтную теорию. Подробнее мы к этому вернемся позже. Сейчас же стоит указать, что обширная теория

Джеймисона для Павлова наиболее важна, судя по всему, в двух моментах:

1) Тезис о безусловной взаимной связи культуры и экономики (ввиду этого Павлов будет признавать неудовлетворительными теории, которые упускают один из аспектов).
2) Понимание постмодернизма через три главные черты: отсутствие глубины, ослабление историчности и затухание аффекта (это можно понять как «выжимку» теории Джеймисона, которую новые теории должны превзойти).

Финальным штрихом Павлов перечисляет авторов, которые связаны с возникновением «ощущения конца» в постмодерне. Конец идеологии связывается с трудами Белла, Липсета и Валлерстайна. Смерть искусства — с Данто, Бельтингом и Джеймисоном. Конец истории — с Фукуямой, Фишером, Друри и Деррида. Принципиально, что в совокупности эти теории, насколько бы истинными или ложными они ни были, создали специфический эмоциональный настрой письма и расхожий штамп о «конце всего» в постмодерне.

Отдельное место отводится Жану Бодрийяру, который предложил свой вариант конца истории и социального. Тут же можно дополнить Павлова тем, что тему конца искусства знаменитый француз также по-своему обыграл в «Заговоре искусства» [Baudrillard 1996]. Точно так же у него была своя версия конца экономики, эстетики и сексуальности как автономных сфер жизни [Бодрийяр 2000]. Павлов определенно прав в том, что Бодрийяр оказался одним из последних крупных теоретиков, которых волновало «ощущение конца» и чей подход, метафорически говоря, закрепил пройденный материал в умах общественности.

По итогу, автор умело локализует теорию постмодерна, показывая, что о ней можно говорить не только в абстрактном смысле, но и как о понятных тенденциях в мысли и языке описания культуры (с. 25). Стоит заметить, что Павлов показывает, почему такая диспозиция (постмодернизм + популярная культура + теории культуры + социальные теории + неомарксизм + ощущение конца) является исторически мотивированной, но сама по себе все еще остается открытой для критики.

КАК КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ОСМЫСЛЯЮТ НАШЕ ВРЕМЯ?

Критическому пересказу различных концепций постпостмодерна была посвящена серия статей автора про образы современности, и уже тогда анализ конкретных идей был исполнен на хорошем уровне [Павлов 2018a; 2018b; 2018c и др.]. На мой взгляд, Павлов про чужие концепции писал лучше, чем их непосредственные авторы. В книге автор исправляет отсутствие структуры в некоторых статьях (анализ начинается с самой популярной идеи и продолжается на том материале, что подвернется под руку) — теории модернов удачно поделены на три категории: ранние попытки осмысления, происходившие до официальной постановки вопроса о постпостмодерне; концепции из области теории искусства; теории, опирающиеся на технологический и социальный контекст.

Давайте проследим за тем, как из критики отдельных альтернатив и хронологических смен постмодерна формируется общая позиция Павлова о постпостмодерне. Я буду упоминать лишь ту часть критики, которая, на мой взгляд, непосредственно связана с финальным тезисом и является общим объяснением того, почему та или иная концепция несостоятельна.

I

С 80-х возникают три варианта гипермодернизма, которые в своем основании выстраиваются вокруг концепции гиперреальности Бодрийяра и его интуиций насчет культуры (с. 167). Наибольшую популярность получила версия Жиля Липовецки, проблема которой в том, что она радикализует постмодерн, а не шагает за его пределы (с. 172–173). Другие мыслители приходили к этому термину случайно, признавая, что находятся в постмодернисткой парадигме мышления (с. 163). Хотя версия Армитрейджа опирается на Поля Вирилио, она, как и другие, слишком походит на постмодерн

(с. 165). Павлов приходит к выводу, что гипермодернизм оказался невостребованным во всех вариациях ввиду продолжения логики постмодерна во всех аспектах исследований (с. 174).

Трансмодернизм оказывается существующим в двух непересекающихся друг с другом версиях (с. 176–177). Первая за авторством Магды оказывается бесперспективной как самостоятельная концепция. Вплоть до того, что используется «самоубийственный» троп о том, что трансмодерн — это как постмодерн, но лучше (с. 184). С точки зрения Павлова, «безнадежно устаревшая» теория Магды «уже статична, а язык описания архаичен» (с. 186–187). То есть Магда активно пользуется постмодернистким категориальным аппаратом и даже повторяет вполне конкретные концептуальные ходы, например, составляя таблицу главных характеристик культурных эпох (с.183), то ли в ответ на знаменитую таблицу «модернизм/постмодернизм» Ихаба Хассана [Hassan 1982, 267–268], то ли в качестве отсылки к ней.

Другая версия оказывается замаскированным постколониализмом (автор выдвигает гипотезу, что в нулевых сторонники этой идеи искали и пробовали различные способы ее продвижения и политического утверждения), а не самостоятельной теорией (с. 192–194). Кроме этого, проблемой как минимум раннего постколониализма Павлов считает абстрактное понимание постмодернизма, что выражается в следующем: игнорировании теорий калибра Лиотара, Джеймисона или Хатчеон; неправомерном отождествлении постмодернизма с империализмом; опоре на Фуко, из которой следовала некорректная критика Джеймисона (с. 196–200). Замечу, что и здесь наличествует бодрийяровский след в виде чуть менее известного, но также немаловажного для него префикса «транс», которым Бодрийяр пользовался в ряде эссе [Бодрийяр 2000, 23–40; Бодрийяр 2017, 31–68; Бодрийяр 2021].

Оже пытается выстроить концепцию сверхмодернизма в антропологии как антитезу постмодернизму, понимание которого он не удосуживается прояснить, ввиду чего размышления антрополога лишь утверждают постмодерн, а не преодолевают его (с. 210–211). Так как дискуссия о постпостмодернизме исходит из предпосылки смерти постмодерна, то новые теории не должны быть тем, что уже мертво.

Вторая независимая, «археологическая» версия сверхмодернизма авторства Гонзалес-Руибаля более удачна, но недостаточно глобальна, а поэтому получила лишь «ограниченную жизнь», уступив другим теориям (с. 217–219). Похожую претензию мы еще увидим далее, а поэтому стоит явно подчеркнуть, что если концепция охватывает только отдельные аспекты современности, то она: рискует быть включенной в более обширную теорию модернов; не является альтернативой постмодерну как способу описания культуры в целом. По итогу, Павлов замечает, что сверхмодернизм не смог стать даже слабой альтернативой постмодернизму (с. 221).

В качестве необычного решения в контексте постпостмодерна Павлов рассматривает постгуманизм, который в целом признается наследником постмодерна в смысле того, что многие авторы разделяют постмодернистские стратегии (с. 244–246). По всей видимости, ввиду отхода от культурной тематики постгуманизм для Павлова является единственной сильной ранней альтернативой постмодерну (с. 238).

В завершении раздела автор обращается к термину «неомодернизм», который изначально не имеет строгого содержания, но витает в дискурсе и ошибочно связывается с Хабермасом и Хеллер (с. 261, 264). Несмотря на разумную работу с термином Джеффри Александра, впоследствии, в 90-х, «неомодернизм» был подхвачен художниками и, как отмечает Павлов, использовался неполно, поверхностно и некорректно (с. 270–271).

II

В следующем разделе разбирается ряд манифестов нового искусства — уже знакомый неомодернизм, ремодернизм, стакизм, off-модернизм, интентизм. Такая активность деятелей искусства явно указывает на некое общее желание преодолеть постмодерн (с. 292), но далее автор показывает, что они не очень хорошо понимают, с чем борются (с. 286, 289, 295, 296–299).

Альтермодернизм предлагал похожий проект «другого модерна», но оказался чуть более популярным. Проблемой этой концепции оказывается то, что она в ряде аспектов повторяет уже было высказанное намного раньше Джеймисоном и Делезом, а также не подкрепляется анализом культуры и общества (с. 309, 310–311). Перформатизм признается Павловым тупиковой ветвью развития теорий модернов, которая фактически была включена в метамодерн (с. 339). Павлов здраво отмечает, что сам по себе метамодернизм в первой формулировке оказался теоретически несостоятельным, а во второй, явно избрав следование по стопам теории Джеймисона, не дотянул до должного уровня (с. 376, 390).

Космодернизм (другое название — планетаризм) разбирается последним. Он оказывается литературоцентричной концепцией, не учитывающей культуру в широком смысле слова, а в области социального анализа теория Джеймисона оказывается шире (с. 400, 408, 409, 414).

Чтобы строение общего аргумента Павлова было яснее, следует прояснить, почему возникает довод о недостаточном и неточном понимании постмодерна. Дискуссия о постпостмодерне, повторим, базируется на предпосылке «смерти» постмодерна (с. 31). Чтобы осмысленно противопоставлять новую эпоху старой, нужно более-менее верно понимать, чем она была. Критерий большей теоретической и эмпирической наполненности новой теории перед старой — это классическое указание на то, что хорошая теория может учесть то, что не объясняется и не описывается другими [Смарт 1978, 344–345]. Важно заметить, что этот элемент аргументации Павлова удачен и вне контекста опоры на Джеймисона.

III

Последний раздел начинается с глав про диджимодернизм Кирби и автомодернизм Сэмюэльса. Обе концепции, с позиции Павлова, выгодно отличаются тем, что в них уделяется внимание не только кино, литературе, архитектуре и т.д., но и влиянию технологических изменений на культуру в целом (с. 445–446). Это еще и общий аргумент против первых двух групп теорий модерна — если технологическое влияние на наше общество и культуру очевидны, то теории, не берущие его в расчет, можно обоснованно считать неправдоподобными.

Автомодернизм и диджимодернизм вполне дополняют друг друга и сочетаются (с. 462). Что касается Кирби, то недостатками его концепции оказываются неприятие цифровой культуры и морализаторство, невнимание к экономическому и политическому состоянию новой эпохи, замалчивание неудобных для своей теории тенденций и явлений (с. 440, 442–443). Проблема теории Сэмюэлса в том, что анализ эмпирического материала сегодня оказывается архаичным, а сама теория нуждается в существенном обновлении (с. 454).

Чуть позже Павлов еще укажет, что автомодернизм в своих рассуждениях следует теоретическим интуициям Джеймисона (с. 491). В общем-то, метамодернисты Вермюлен и ден Аккер без труда находили объяснения тому, что авто- и диджимодернизмы — это «радикализация постмодерна, а не реструктуризация» [Vermeulen & den Akker 2010].

Далее Павлов рассматривает две версии пост-постмодернизма[1], где авторы напрямую берутся развивать идеи Джеймисона (с. 468–469, 481–482). Следом в качестве необычного хода Павлов решает рассмотреть капиталистический реализм Марка Фишера и левый акселерационизм Ника Срничека. Несмотря на то, что эти концепции в дискуссию о постпостмодерне не включены напрямую, автор находит их пересечения с темой (с. 485, 491, 497, 501). В остальном эти главы выбиваются из общей логики книги, т.к. главный интерес Павлова — это доказать, что модные левые теории опираются на представления Джеймисона о постмодерне. Автор показывает, что капиталистический реализм Фишера — это скорее лишь аватара постмодернизма, над которой тенью нависают идеи Джеймисона (с. 494–495). Точно также и Срничек опирается на интеллектуальные стратегии Джеймисона и постмодернистские темы (с. 501, 507–508, 510).

ПОЗИЦИЯ ПАВЛОВА

Суммируем, к чему пришел автор. В первом разделе он показывает, что постмодерн в теории — это описываемое и локализируемое явление, а поэтому можно осмысленно говорить о его влиянии и актуальности как языка описания. Чтобы описать постмодерн, Павлов опирается на теорию Джеймисона и представление о связке постмодерна с популярной культурой и ощущением конца. Локализируется же постмодерн в социальной и культурной теориях. Единственное, в чем хочется дополнить аргумент Павлова, — это заметить, что дискуссия еще имеет локализацию в континентальной мысли (за редкими и малозначительными исключениями (с. 299)).

Пользуясь этим описанием и локализацией, на протяжении трех разделов Павлов закономерно показывает, в каких смыслах различные «образы современности» — это все еще следование стратегиям постмодернизма и работа с теми же исследовательскими установками (с. 519). В ряде случаев это осознанное следование, но чаще повторение того, что уже в постмодерне было, ввиду недостаточного знакомства с ним (с. 496).

Автор приходит к мысли, что постпостмодерн — это все еще постмодерн, но в ином состоянии. По многим признакам язык описания, которым оперируют теоретики современности, — это то, что опирается на представления о постмодерне и укоренено в них. Можно сказать, что поэтому его смерть носит лишь формальный характер и в действительности он продолжил свое существование под множественными личинами «-модернизмов» и других теорий (вроде постгуманизма, акселерационизма или капиталистического реализма). Скажем так, постмодерн — это и есть современность, которая производит различные образы самой себя и своего возможного будущего. Или, как заключает Павлов, «эвристический потенциал теории постмодерна не исчерпан» (с. 526).

НУЖЕН ЛИ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ ФРЕДРИК ДЖЕЙМИСОН?

Книга изобилует обращениями к Фредрику Джеймисону, но сама их форма по сути неудачна ввиду того, что автор так и не смог предоставить какого-то исчерпывающего аргумента в пользу его взглядов. Так, обозначается, что теория Джеймисона противостоит видению Лиотара (с. 112). Стоило бы эксплицировать, почему один вариант определенно выигрышней другого, а не бросать фразу о том, что француз очевидно не прав (с. 509).

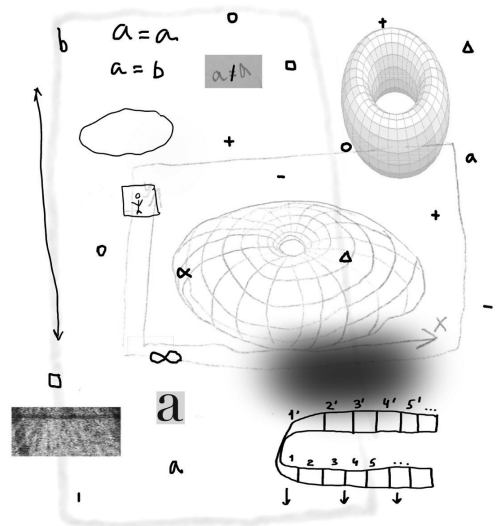
1. Так как мы говорим о постпостмодернизме в первую очередь как о зонтичном термине, то одноименные концепции внутри него автор выделяет черточкой.

Легитимация Джеймисона происходит по большей части через ссылку на авторитет самого теоретика и Перри Андерсона, который признает авторитет Джеймисона. Вместо того чтобы предъявить ясный резон считать Джеймисона главным теоретиком постмодерна, Павлов упорно пишет о нем как о важном, значимом, популярном, глубоком и далее по списку (с. 92–93, 95, 99, 105, 108–109, 125, 461, 483)[2]. Некоторые из таких восхвалений выглядят совсем странно: выбор теории Джеймисона как теоретического основания объясняется тем, что книга «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» продалась тиражом 80 тысяч экземпляров, а тем самым она свидетельствует о том, что постмодерн действительно был и что в ней содержится главная теория постмодерна (с. 108–109). Если и искать прямые доводы, то у Павлова находится лишь скромное замечание о том, что Джеймисон не проигнорировал компьютеры, когда они появились (с. 525–526).

Что касается Перри Андерсона, то он подается как человек, который рассудил «битву за судьбу постмодерна» и признал первенство теории Джеймисона; в общем-то и сам Андерсон признается важным теоретиком эпохи постмодерна (с. 92–93, 483). Все бы хорошо, но автор упускает необходимость как-то обосновать такие оценки. И когда он сетует на то, что Андерсона незаслуженно забыли, то читателю не предлагается оснований для того, чтобы считать это забвение именно незаслуженным. Скорее может возникнуть вопрос: зачем об Андерсоне вспомнил сам автор? К примеру, в тексте упоминается, что ранние постколониалисты выбрали в качестве фундамента своей теории социальную философию Фуко, на что «Андерсон сформулировал убедительный ответ постколониализму за Джеймисона» (с. 198–199). Павлов даже воспроизводит этот ответ, но что мы увидим, если обратимся непосредственно к тексту Андерсона? В приведенном отрывке весь ответ состоит в постулировании необходимости «более разумного истолкования» префикса «пост» в слове «постколониализм» [Андерсон 2011, 147]. Более того, прямо перед этим Андерсон проясняет нормативный тон своей мысли: «На критику постколониальной теории уже был дан ряд убедительных ответов, приводить которые здесь не имеет смысла» [Андерсон 2011, 146].

Как мне видится, Павлов слишком сильно старается показать, что Джеймисон — это все еще актуальная фигура для марксистов. И тем самым оказывает последним медвежью услугу. Ведь в изложении Павлова все выглядит так, что для марксистов актуален некий смутный авторитет в области теории культуры, который не очень признается вне марксистского контекста.

Так, играет злую шутку то, что в главе, где Павлов лишь описывает теорию Джеймисона, он также воспроизводит критические аргументы Хатчеон против этой теории (с. 121–124). Автор считает забавным, что Хатчеон в итоге пришла к позиции, обратной пози-



2. Такие апелляции к репутации проблематичны сами по себе. Если мы их признаем как способ обоснования значимости какой-то фигуры, то, что делать с прямо обратными утверждениями, выдвигаемыми на тех же основаниях? Например, Джеймисон является двукратным обладателем премии за плохое письмо от журнала «Philosophy and Literature»: виду этого можно сказать, что он обладает репутацией плохо пишущего человека примерно в той же мере, что и авторитетом среди теоретиков-марксистов. На мой взгляд, ни то, ни другое не может быть единственным объяснением степени значимости мыслителя.

ции Джеймисона. Действительно забавно лишь то, что Павлов не видит, что в этой главе убедительнее выглядит позиция Хатчеон, так как в уста Джеймисона вообще не вложено никакого контраргумента (с. 128). При этом в заключении Павлов находит, что ответить Хатчеон (с. 521–526). Но стоит ли воспринимать такой авторский ответ как ответ Джеймисона?

Похожим образом сам Павлов осознает проблему двусмысленности в понимании постмодерна (и др. культурных парадигм), который в лучшем случае может быть признан языком описания культуры, но часто понимается как положение дел в культуре (с. 24–28). Но далее, отмечая, что, по Джеймисону, постмодерн — это только язык описания эпохи, автор говорит, что «постмодерн характеризуется утратой исторического мышления» (с. 211). Подход Джеймисона в целом сохраняет эту двусмысленность, либо Павлов забывает упомянуть, в каком смысле язык может утрачивать мышление и почему нам стоит доверять такой теории.

Что любопытно, наравне с безосновательным восхвалением Джеймисона в этой же книге содержится достаточно взвешенная оценка влияния Бодрийяра на культурную и социальную теории. Буквально за две главы (1.5 и 2.1) Павлов раскрывает, почему современные теоретики все еще обращаются к его творчеству и какие слабые стороны его теории не позволили бодрийяровцам взять первенство в гонке за постпостмодерн.

Судя по всему, в изложении Павлова (осознанно или не очень) подчеркиваются два возможных преимущества Джеймисона. Его теория обширна, а идеи обладают высоким уровнем интуитивной понятности и достоверности. Но так ли это? Избегает ли она той же критики, которой подвергаются рассматриваемые в книге Павлова теории (вроде претензии в недостаточной оригинальности)?

Например, когда Павлов анализирует метамодерн, то он почему-то указывает, что «структура чувства» — это неясная концепция, которую можно понимать как вздумается, и это недостаток (с. 386). Когда же речь идет о Джеймисоне, то проблемой не становится то, что для него «постмодернизм представлял собой именно то, что Уильямс понимал под “структурой чувства”, — мысль как чувство и чувство как мысль» (с. 113). Более того, сама концепция структуры чувства позаимствована у Рэймонда Уильямса. Напомню, что теории модернов выше признавались неудачными на основании малой оригинальности в сравнении с предшественниками (в частности, это центральная претензия к гипермодерну и трансмодерну).

Обратим внимание на другие моменты, где Павлов атрибутирует Джеймисону идеи, которые уже имели место у его предшественников. Автор пишет: «теперь философ понимал культуру как неразрывно связанную с экономикой “вторую природу” человека. Иными словами, в эпоху постмодерна любой культурный товар или явление непременно имели экономическую подоплеку» (с. 112–113). Похожую мысль можно найти в начале «Общества потребления» Бодрийяра, которое в оригинале вышло за 14 лет до книги Джеймисона [Бодрийяр 2006, 8–10; 19; 71].

Когда же идет речь о том, что «если учесть утрату исторического мышления после модерна и превалирование пространства над временем, то главной формой восприятия окружающего мира оказывалась шизофрения» (с. 113), то это открытое повторение идеи из «Анти-Эдипа», вышедшего за 12 лет до книги Джеймисона, который, подобно Делёзу, также говорил о шизофрениках не в клиническом смысле [Делёз и Гваттари 2007, 19; 216–217]. Точно так же в конце 70-х Чарльз Дженкс развивал мысль, похожую на ту, что «фундаментальная черта постмодернизма — это стирание во всех видах искусства (архитектура Вентури, поп-арт Энди Уорхола, музыка Джона Кейджа и т.д.) “границы между высокой и так называемой массовой или коммерческой культурой”» (с.114). И, конечно, непонятно, как подобные отрывки могут не напоминать о Бодрийяре: «вместо утраченного чувства времени люди начинают руководствоваться чувством пространства, что находит отражение в пастише — бесцельной пародии или стилизации без смысла» (с. 115).

Коротко теория Джеймисона резюмируется следующим образом: «ключевые черты постмодерна — отсутствие глубины, ослабление историчности и затухание

аффекта» (с. 114). В лучшем случае такое описание приводит нас к тому, что идеи Джеймисона — это во многом компиляция ярких мыслей теоретиков культуры 70-х, ведь экспликация каждой из трех черт в некоторой степени повторяет позиции других философов. В худшем случае оно кажется калькой и попыткой сочетать все симпатичные автору постмодернистские ходы мысли в рамках одной теории вне зависимости от того, действительно ли они сочетаются. Мало того что такие черты теории Джеймисона говорят не в пользу ее оригинальности, так еще это далеко не самые ясные и всеми одинаково понимаемые вещи.

Видение постмодерна Джеймисона (в изложении Павлова) кажется выигрышным в том, что он собрал в одном контексте различные популярные тропы. Такая теория действительно резонирует с тем, как постмодерн будет интуитивно понимать человек высокой степени начитанности и насмотренности. Несомненно, все это есть и у Павлова, что и позволяют ему находить неверные референции к постмодерну в ситуациях, когда Джеймисон как референт бесполезен. Например, когда интентисты критикуются за странную попытку опровергнуть Барта и Деррида, которая приводит их к повторению идей этих же мыслителей (с. 299).

Ввиду этого отмечу показательный критический момент. Если Джеймисон — это большая величина в дискуссии о постпостмодерне, то почему большинство теорий модернов базируются на идеях других мыслителей? Может быть, не случайно, что автор вписывает в дискуссию те концепции (капиталистический реализм, левый акселерационизм), которые заведомо так или иначе связаны с идеями Джеймисона?

Скорее всего, в действительности Джеймисон явно возник в этой дискуссии только после волны популярности метамодернистов, которые позаимствовали у него концепцию «структуры ощущений». Если же отвлечься от настойчивого авторского упоминания Джеймисона и роли неомарксизма, то мы увидим, что первые попытки преодоления постмодернизма прошли под знаменами французских теоретиков. Дальнейшее же развитие дискуссии скорее характеризуется возрастающими попытками создать что-то оригинальное, но так как концепция новой культурной эпохи или ее языка описания находится в прямом сравнении с постмодерном, то оригинальность новой концепции может достигаться в том числе оригинальными прочтениями былой эпохи (ввиду чего авторское понимание постмодерна и может казаться странным, неполным или неверным).

На основании всего этого я делаю вывод, что общая позиция Павлова в значительной степени независима от идей Джеймисона. Хотя, определенно, приведенная здесь критика авторского обращения к Джеймисону ставит под сомнение некоторые части его критики концепций постпостмодерна. Американский теоретик по большей части привлечен для развития постороннего сюжета (в главах 1.3–1.4, 4.3–4.5), является полезным референтом лишь в смысле «объемного описания постмодерна» и, по сути, представляет для автора символическую опору.

ПОПУЛЯРНОСТЬ И ТЕОРИИ МОДЕРНОВ

Через всю книгу красной линией проходит тема популярности теорий. Приведу несколько ссылок, демонстрирующих разнообразие смыслов, в котором упоминается популярность: с. 108, 139, 167, 174, 178, 200, 283, 301, 492, 516.

До конца не ясно, является ли популярность каким-то внутренним критерием или просто внешним влиянием. Если имеется в виду второе, то в таком случае она не должна быть основанием для признания теории научно авторитетной (в книге же мы видим обратное). Вполне представимо и то, что в случае постпостмодерна популярность может считаться критерием внутренней конкуренции. Допустим, потому, что в случае описания новой эпохи более важна не аргументативная, а эвристическая убедительность — способность автора концепций не давать точные описания, но создавать новую терминологию с эвристическим потенциалом.

Учитывая, как часто Павлов обращается к этой теме, удивительно, что он не уделяет отдельное внимание тому, как различного рода популярность (медийная, сетевая, академическая) влияет на концепции, описы-

вающие нашу эпоху. Ведь популярность — это не то, что является объяснением, а то, что само нуждается в объяснении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на эти замечания о нераскрытой роли популярности теорий и неоправданной ставке на Джеймисона, работа Павлова заслуживает уважения. Далеко не каждый мыслитель, берущийся что-то написать о культуре, будет столь же основательно подходить к обоснованию своей позиции. Кроме того, стиль Павлова радует ясностью письма, а некоторым читателям явно придется по вкусу и «зубастость», с которой автор совершает выпады в сторону коллег.

Что касается того, что актуальная культура все еще описывается языком постмодерна, эта позиция кажется взвешенной и правдоподобной. При этом автору не удалось убедительно показать, что язык постмодерна сегодня — это то, что восходит именно к Джеймисону. Замечу, что, если не считать несколько глав в конце, такой цели у автора не было, но это является частью его исходной позиции.

Резюме: книга Павлова способна хронологически представить читателю дискуссию о постпостмодерне и прояснить связи между разными мыслителями, а подход и выводы автора сами вовлекают в дискуссию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Baudrillard 1996 — J. Baudrillard “Le complot de l'art”, *Libération*, le 20 mai 1996 (URL: https://www.liberation.fr/tribune/1996/05/20/le-complot-de-l-art_170156/).
2. Hassan 1982 — I. Hassan. *The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature*. Madison: University of Wisconsin Press; 2nd edition, 1982.
3. Pavlov 2018a — A.V. Pavlov. “Images of Modernity in the 21st Century: Automodernism”, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2018, No. 10, pp. 97–113. (In Russian.)
4. Pavlov 2018b — A.V. Pavlov. “Images of Modernity in the Twenty-First Century: Digimodernism: A Review of Alan Kirby’s Book”, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, Vol. 2, No. 2, pp. 197–212. (In Russian.)
5. Pavlov 2018c — A.V. Pavlov. “Images of Modernity in the Twenty-first Century: Metamodernism”, *Logos*, 2018, Vol. 28, No. 6, pp. 1–19. (In Russian.)
6. Pavlov 2019 — A.V. Pavlov. *Post-postmodernism. How Social and Cultural Theories Explain Our Time*. Moscow: Delo Publ., 2019. (In Russian.)
7. Vermeulen & den Akker 2010 — T. Vermeulen, R. van den Akker. “Notes on Metamodernism”, *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, No. 2.
8. Андерсон 2011 — П. Андерсон. *Истоки постмодерна*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.
9. Бодрийяр 2000 — Ж. Бодрийяр. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, 2000.
10. Бодрийяр 2016 — Ж. Бодрийяр. *Дух терроризма. Войны в заливе не было*. М.: РИПОЛ классик, 2016.
11. Бодрийяр 2017 — Ж. Бодрийяр. *Фатальные стратегии*. М.: РИПОЛ классик, 2017.
12. Бодрийяр 2021 — Ж. Бодрийяр “Виральная экономика”, *Сигма*, 31 января 2021 (URL: https://syg.ma/@insolarance-cult/zhan-bodriiiar-viralnaia-ekonomika).
13. Бодрийяр 2006 — Ж. Бодрийяр. *Общество потребления*. М.: «Республика», «Культурная революция», 2006.

14. Делез и Гваттари 2007 — Ж. Делез, Ф. Гваттари. *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-фактория, 2007.

15. Павлов 2018a — А.В. Павлов. “Образы современности в XXI веке: автомодернизм”, *Философские науки*, 2018, №. 10, с. 97–113.

16. Павлов 2018b — А.В. Павлов. “Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби”, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 2018, Т. 2, №. 2, с. 197–212.

17. Павлов 2018c — А.В. Павлов. “Образы современности в XXI веке: метамодернизм”, *Логос*, 2018, Т. 28, №. 6, с. 1–19.

18. Павлов 2019 — А.В. Павлов. *Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время*. М.: Дело, 2019.

19. Смарт 1978 — Дж. Смарт. “Конфликтующие точки зрения по проблеме объяснения”, *Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки*. М.: «Прогресс», 1978, с. 337–353.